

Ю. Д. Гранин²**РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА.
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД**

О формировании нового мирового порядка говорят давно. Особенно рьяно — после присоединения Крыма и начала формирования Соединенными Штатами противостоящего России и Китаю «альянса демократических стран мира». Теперь, когда специальная военная операция РФ на Украине вступила в решающую фазу, выяснилась невозможность возврата к прежнему — однополярному — мироустройству. В условиях тотальной гибридной войны с Россией коллективного Запада становятся очевидными не только геополитические амбиции ряда ведущих государств мира, но и цивилизационные основания массовой международной русофобии. За экономическими, политическими, научно-техническими и другими санкциями против нашей страны отчетливо *просматривается конфликт евро-атлантической и российской цивилизаций* — сегодняшних геокультурных и геополитических воплощений многомиллионных сообществ с разными представлениями о порядках совместной жизни народов и разным цен-

ностно-смысловым каркасом, определяющим видение справедливого мироустройства.

Об очевидной деформации культурной матрицы (культурного кода) евро-атлантической цивилизации, постепенно утрачивающей свой христианский характер, писали много и неоднократно³. Но реально ли геополитическое сближение России с Индией и Китаем, заключение с ними долговременных союзов? О возможности и перспективах такого сближения мне не раз приходилось писать. Но теперь, в условиях растущей хаотизации и становления многополярности мира, эти вопросы для нас трансформируются в один: «С кем, против кого и как будем дружить?». Казалось бы, в краткосрочной перспективе ответ очевиден: «Со всеми, кто против них». Но даже в этом горизонте планирования такой ответ неубедителен. А долговременное стратегическое сотрудничество трех великих держав маловероятно в силу преобладания «национального эгоизма». И хотя Китай и Индия не имеют на гербе двуглавого орла, они, как и Россия, внимательно смотрят и на Восток, и на Запад, пытаясь отыскать краткосрочную и долговременную выгоду для самих себя.

Поэтому разработанный два года назад геополитический проект «Большая Евразия» — формирования пространства совместного развития разных цивилизаций, куда, по мнению его разработчиков, должны были войти и некоторые страны Европы, — был отложен на

¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 177.

² Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Глобализация, нации и национализм. История и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире. Социально-философский анализ», «Нации и национализм. Теория и история», «Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции» и др.; статей: «„Цивилизация“ и цивилизационная эволюция России», «„Цивилизации“, „модернизации“ и „революции“ в наследии Айзенштадта и Хантингтона», «Цивилизационная специфика советской и современной России» и др. Член Союза журналистов России.

³ См.: Гранин Ю. Д. Национальные государства в глобальном мире // Известия РАО. 2017. № 3 (43). С. 40–54.

неопределенное время. Допустим, это время наступит. Но и тогда проект мало предложить. Надо создавать привлекательный образ совместного будущего, демонстрируя успехи собственной *цивилизационной модели и стратегии долгосрочного развития*. Но такой модели и стратегии у России пока нет, а проблем — хоть отбавляй. Многие из них обусловлены цивилизационной спецификой нашей страны, выросшей из «советской цивилизации». Судьба этой цивилизации, распространившей свое влияние далеко за пределы СССР, с ее панидеей глобального превосходства и метаидеологией построения коммунизма, известна. Современная Россия, безусловно, наследует ей. Но у нее все еще нет долгосрочной цели развития, понимания его характера и претензий, как у США, на глобальное доминирование¹. Будучи инобытием предшествующих исторических форм (моделей) цивилизационного развития, она, как и другие цивилизации, характеризуется исторически конкретными, но изменяемыми, *состояниями* общественных (политических, экономических, культурных и т. д.) порядков совместной жизни, причудливо сочетая элементы социальной архаики, социалистического прошлого и западной современности². Аналогичными характеристиками обладает и нынешний Китай, также проделавший большой путь по «лестнице цивилизаций», но теперь демонстрирующий впечатляющие успехи социально-экономического и научно-технического развития.

Как и в России, в экономическом пространстве этой страны представлены разные хозяйственные формы: архаический (аграрный), устаревающий (индустриальный) и перспективный (информационный) уклады. Сосуществуют частный и государственный, рыночный и административно-планируемый способы производства. А экономическая мозаичность сочетается с культурной гетерогенностью страны: ее языковым многообразием, полиэтничностью и многоконфессиональностью³. Но *ценностно-смысловой каркас этой цивилизации не эклектичен, а целостен*. Он замыкается в контур, граница которого очерчена восходящим к идеям Дао (пути) конфуцианским философско-религиозным мировоззрением (с ключевой для него идеей соответствия «небесного» и «земного» как упорядоченной целостности) и соответствующим ему рационализмом. Основанный, по-видимому, не на субстанциальной, а на процессуальной логике, определяемой спецификой языка⁴, этот конфуцианский рационализм вырастает не из характерного для Европы базового противоречия между трансцендентным и мирским порядками, а из идеи их *гармонического соответствия*. Отсюда особая китайская *стратегия жизни как эволюции*, предполагающая поиск не лобового, а обходного пути, компромисса и иносказания как основно-

го принципа политического действия и дипломатии⁵. С этой стратегией корреспондирует представление о китайском народе как большой семье (что сближает Китай со странами Северной Европы) и государстве как Поднебесной империи, не случайно названной после 1949 года «срединной цветущей страной всеобщей гармонии народа». Поэтому социалистический период Китая рассматривается элитами и большинством населения как продолжение великого пути, а однопартийность — как историческая форма естественной иерархичности общественного устройства.

И этим Китай принципиально отличается от России, которая до сих испытывает синдром культурной шизофрении: осознает себя то русской Европой, то «Азиопой» (Н. Милуков), то евразийской державой. В политическом классе первая самоидентификация преобладает. Поэтому в экономике, политике, образовании и культуре все еще сильна идеология западоцентризма и космополитизма, слаб российский патриотизм, а значит, отсутствует консенсус властных и экономических элит по поводу собственной цивилизационной модели развития. Их разногласия подогреваются научными спорами о том, что представляет собой РФ: национальное (европейское) государство, государство-цивилизацию или бесконечную империю.

Думаю, продолжающаяся на момент написания этих строк (апрель 2022 г.) специальная военная операция РФ на Украине после ее окончания завершится присоединением Новороссии к исторической России, и она вновь войдет в те, органичные для нее, границы «месторазвития» великорусского этноса, которые имела в начале XIX столетия. Дальнейшие территориальные приобретения ей не нужны и, думаю, противопоказаны. Начиная с XVII столетия все военные угрозы России шли с Запада. Поэтому теперь, гася «пылающий западный фронт» и не забывая о поддержке и расширении «русского мира» на сопредельных территориях, она открывает для себя новые горизонты стратегического развития.

Планируя его перспективы, не стоит впадать во грех имперского мессионизма. В области внутренней политики следует сосредоточиться на комплексном развитии Арктики, Сибири и Дальнего Востока, а в сфере международных отношений — на политике «гибких союзов» и альянсов, не отдавая предпочтения ни одному вектору взаимодействия. Эпоха российских надежд на Большую Европу «От Атлантики до Владивостока» канула в Лету, а время «Большой Евразии» неизвестно когда наступит. Поэтому в обозримом будущем перспективно придерживаться стратегии опоры на собственные ресурсы и равноудаленности от основных центров силы.

Ключевым моментом такой стратегии, на мой взгляд, должна стать идея «переплетенных модернов»: мера сочетания заимствованных и собственных форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни общества и государства (Япо-

¹ См.: Гранин Ю. Д. Государство как фактор цивилизационной эволюции России // Вопросы философии и психологии. 2019. № 6 (1). С. 14–27.

² Подробнее см.: Гранин Ю. Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 34–44.

³ Гранин Ю. Д. Государство как фактор цивилизационной эволюции России.

⁴ Смирнов А. В., Солондаев В. К. Процессуальная логика. М.: Садр, 2019.

⁵ Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции / пер. с фр. В. Лысенко. М.: Московский филос. фонд, 2001.

ния, «азиатские тигры») до незначительного, охватывающего главным образом экономическую сферу. По последнему пути пошел Китай. В итоге к настоящему времени он кратно превзошел РФ в области финансирования НИОКР: по некоторым расчетам, в 48 раз, по другим — наверное, более реалистичным, в 10 раз. В любом случае «стратегия развития страны говорит о том, что к 2035 году Китай по большинству научных направлений должен стать мировым лидером»¹. Наверное, это произойдет. Хотя мировая динамика последних лет оптимизма не добавляет. Поскольку именно теперь силовой потенциал суверенных государств ставится во главу угла их внешней политики, а работа через международные институты отстывает на второй план.

Под предлогом защиты Украины США развязали полноценную гибридную войну против России. Ее можно истолковать в парадигме столкновения цивилизаций, которая лишь отчасти объясняет всплеск масштабной русофобии. Нас действительно не любят за то, что мы иные, за то, что Россия, перефразируя героя Булгакова, не вмещается в европейскую «шляпу» евро-американских стандартов, выдаваемых за общечеловеческие. Но еще более негодуют, что этой «отсталой стране» досталась львиная доля всех ресурсов планеты. В последние годы это стало особенно очевидным. Человечество вступило в эпоху неуправляемого

и «дефицитного Мира», передел которого уже начался. Многие представители политических, экономических и прочих элит и верхних эшелонов власти видят эту проблему. Но не все понимают ее геополитический аспект: *в условиях крайнего обострения противостояния с Западом и неизбежной борьбы с ним (и не только) за сосредоточенные на нашей территории ресурсы проблема модернизации страны превращается в проблему ее сохранения в качестве независимого суверенного государства с собственной культурно-исторической спецификой.*

Поэтому помимо намечаемого российским Центром стратегических разработок, курируемого Алексеем Кудриным, формирования новых институтов социального и государственного управления², необходима большая культурно-идеологическая работа по обновлению ценностно-смыслового каркаса России и наполнению его новыми смыслами. В настоящее время он ориентирован в прошлое — там в великих победах Россия ищет (и находит!) оправдание своего нынешнего положения, своей суверенной демократии и другой цивилизационной специфики. Но в карете прошлого далеко не уедешь. Необходимо мобилизовать население на реализацию большого социального проекта: построение социального государства нового типа — государства всенародного благосостояния, солидарности, справедливости и реального гуманизма.